

Ли В. С.,
д-р филол. наук,
проф.
Казахский
национальный
университет
им. аль-Фараби,
Казахстан

Участник
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ПРИ РЕЧЕВЫХ КОНФЛИКТАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются проблемы речевого конфликта как одной из форм социальной коммуникации. На основе лингвистического исследования записи разговоров устанавливаются наиболее типичные коммуникативные ситуации, связанные с речевыми конфликтами. Дается лингвопрагматическая характеристика коммуникативных тактик, используемых конфликтующими сторонами для реализации своих намерений и отстаивания своих позиций. Социально-правовая оценка коммуникативного конфликта дается на материале лингвистической экспертизы текста.

Ключевые слова: речевой конфликт, коммуникативная тактика, речевой акт, коммуникативное поведение, лингвистическая экспертиза текста.

The problems of verbal conflict as a form of social communication covered in this article. On the basis of linguistic research call recording provides the most typical communicative situations of speech conflicts. We give a characterization linguopragmatic communication tactics used by parties to the conflict to implement their intentions and defend their positions. Social and legal assessment of communicative conflict given the material linguistic expertise text.

Keywords: speech conflict, communication tactics, speech act, communicative behavior, linguistic expertise text.

Коммуникативные конфликты с той или степенью остроты сопровождают повседневную жизнь человека и социума в целом. Тем не менее, коммуникативный конфликт - это отнюдь не спор или дискуссия с целью доказать правоту определенной точки зрения, это не обмен мнениями и доказательствами в пользу некоего положения, это и не полемика вокруг определенной проблемы. Коммуникативный конфликт - это особая речевая ситуация, когда наиболее остро проявляются противоречия между собеседниками, в обостренной форме проявляются межличностные отношения и разговор приобретает черты непримиримой борьбы. Каждый собеседник, стремясь непременно одержать победу в такой борьбе, действует по принципу «все средства хороши», придерживается тактики унижения и оскорбления собеседника, игнорирования доводов противной стороны. В такой словесной борьбе собеседники, как правило, не думают о последствиях выбранной ими коммуникативной стратегии и используемых при этом речевых тактиках, хотя все это порой может обернуться против них же: «... не следует забывать, что любая речь, кроме стратегической коммуникативной цели, выполняет функцию самопрезентации автора. Речевые тактики оскорбления, насмешки, издевки могут оказаться бумерангом, способным нанести удар не только

по противнику, но и по самому автору» [4: 84]. Помимо «самопрезентации», когда автор выставляет себя в невыгодном свете, «бумерангом» могут стать и более серьезные разбирательства, крайней формой которых выступают судебные. В таких случаях суды принимают решение лишь с учетом заключения лингвиста-эксперта, который квалифицированно может провести исследование конфликтного текста, дать ему правовую оценку (см. об этом [1], [2], [3], [7], [10] и др. работы).

Несмотря на то, что лингвистическая экспертиза носит сугубо прикладной характер, решает задачи юридического характера, она не в меньшей мере важна и для лингвистики, поскольку в ней содержится ценный фактический материал и, с другой стороны, на ней можно проверить состоятельность и достоверность определенной теоретической концепции или оценить эффективность предлагаемой научно-исследовательской методики. Для теории речевой коммуникации особый интерес представляют такие лингвистические экспертизы, в которых рассматриваются языковые средства, по которым можно определить характер коммуникативного поведения собеседников, их коммуникативные цели и намерения. В таких случаях эксперт решает не только юридические задачи, но и собственно лингвистические. Важность такого подхода к

лингвистическим экспертизам покажем на примере одной, довольно типичной конфликтной ситуации, когда руководитель учреждения придерживается тактики унижения и оскорбления подчиненного. В данном случае педагоги Дома школьников (ДШ) Сабуров Е.В. и Юрина И.Н. обратились в суд с иском к директору ДШ Немцовой Н.И. за оскорбление и предоставили суду сделанную педагогами аудиозапись планерки, состоявшейся в ДШ. Судья отправил стенограмму этой записи на экспертизу, поставив перед лингвистом несколько вопросов. Ниже приводятся фрагменты ответов лингвиста лишь на те вопросы, которые касаются речевого поведения директора ДШ, ставшего источником коммуникативного конфликта.

Вопрос 1. Можно ли из анализа записи разговоров определить коммуникативные роли и коммуникативное поведение каждого из участников разговора? Какова общая направленность реплик Немцовой Н.И. по отношению к Сабурову Е.В.?

По типу речевого поведения участников записанного разговора можно разбить на две группы. В первую группу входят директор учреждения и другие представители администрации, во вторую - вызванный на планерку педагог Сабуров Е.В. Коммуникативные роли выделенных групп характеризуются

противопоставленностью, связанной с разными коммуникативными намерениями говорящих.

Речевое поведение первой группы говорящих представлено четко в высказываниях директора ДШ Немцовой Н.И.. Ее речевое поведение следует квалифицировать как агрессивное. Для такого типа поведения характерны такие признаки речи, как захват коммуникативного пространства, обвинения в адрес собеседника, выраженные в грубой форме, директивные речевые акты, риторические вопросы, устрашения в форме волюнтаристических речевых актов, желание понизить коммуникативный статус оппонента, унижить и оскорбить его. Эти признаки и другие особенности агрессивной тактики проявляются в высказываниях Немцовой Н.И., которым свойственны следующие языковые черты.

1. Категоричные вопросы, используемые обычно при допросах и воспринимаемые адресатом как обвинения:

1) Кабинет ты не сделал? Да?! (Немцова).

2) Я тебе дала один день, пятницу или субботу. Ты, значит, не сделал. Да? А скажи, пожалуйста, что твои бабы, они, значит, моему руководству то звонят с возмущением, жалобами?! У нас не ГКП, у нас не школа, государственное учреждение. Что это твоя Ирина-то, Юрина за тебя так радуется? А?! (Немцова).

2. Директивы-угрозы:

3) Никакой Ирины сюда не пускать. На хрен она нам сдалась (Немцова).

4) Вызови её к себе, спроси, какое отношение она ко мне имеет?! Пусть она письменно напишет, я её за клевету посажу, вместе с Сабуровым... (Немцова).

3. Грубые формы обращения к кому-либо и оценки кого-либо:

5) Она для кого это говорит? Для тебя или тебе все до задницы? (Немцова).

6) ... Ну, ну, это что за придурки-то такие?! (о Сабурове Е.В. и Юриной И.Н.).

7) Дурак ты и идиот! (Немцова Н.И. о Сабурове Е.В.).

4. Неприятие доводов собесед-

ника (негативная истинностная оценка реплики оппонента):

8) – Я родительнице сказал, чтобы она пришла и сделала со мной ремонт кабинета. Я сказал: приду, посмотрю, помогу (Сабуров).

– Она тебя прождала здесь. Мы не имеем права родителей пускать. Вдруг наркотики подбросят или еще что (Немцова).

– Ну. Ремонт кабинета. Это такое дело. Я думал, надо вдвоем делать. В кабинете я ... (Сабуров).

– Нечего оправдываться (Немцова).

5. Указание на профессиональную некомпетентность, служебную недобросовестность:

9) – Я в пятницу был... (Сабуров).

– Я тебе дала один день, пятницу. Ты, значит, не сделал. Да ты же в пятницу не был. Врешь. Не работаешь (Немцова).

Приведенные характеристики речевого поведения директора Дома школьников свидетельствуют о речевой агрессии ее по отношению к Сабурову Е.В. Однако главным признаком подобного поведения следует считать такую поведенческую черту, как захват коммуникативного пространства, отсутствие речевого паритета. Инициатива в ведении диалога принадлежит директору, коммуникативное пространство заполнено преимущественно ее репликами. В представленной на исследовании стенограмме Немцовой Н.И. принадлежат 197 высказываний, в то время как Сабурову Е.В. – 98 реплик. Эти данные свидетельствуют о полном господстве Немцовой Н.И., о ее наступательном речевом поведении. Сабурову Е.В. же принадлежит роль защищающегося, вынужденного оправдываться перед собеседником и давать ему обещания. Поэтому реплики Сабурова Е.В. – это преимущественно информативы-оправдания и комиссивы-заверения:

10) Конечно. Я ремонт сделаю, с мамой я договорился! (Сабуров).

Вопрос 2. Содержатся ли в высказываниях Немцовой Н.И. угрозы в отношении Сабурова Е.В. и Юриной И.Н.?

Угроза как коммуникативный акт

передается как вербальными, так и невербальными средствами (жесты, мимика и т.п.). В лингвистике принято говорить об особом речевом акте угрозы (менасив). Под угрозой принято понимать намерение говорящего ввести адресата в такое состояние, чтобы он выполнил что-либо в интересах адресанта, а также намерение нанести физический или моральный вред адресату. Следует иметь также в виду, что угроза тесно связана с другими видами речевых актов, когда, к примеру, директив адресат может воспринять как угрозу. В таких случаях угроза полностью зависит от так называемых речевых импликатур (выводные знания). Этим самым создается возможность говорить о скрытой угрозе (в обыденной речи такое явление принято называть намеком). Прямым средством выражения угрозы является форма будущего времени глагола (*Убью! Прокляну! Расскажу всем и т.п.*). Такие глаголы, именуемые в лингвистике перформативами, являются высказываниями, эквивалентными действию, поступку. Однако часто используются и др. средства выражения угрозы, в основе которых лежит речемыслительная, логическая операция импликации ($X \rightarrow Y$) (Если..., то...), т.е. «действие \rightarrow следствие» (Если не расскажешься, то расскажу всем).

В записи разговора представлены открытые и скрытые угрозы, и исходят они от администрации учреждения, прежде всего от его директора Немцовой Н.И., и направлены они в адрес Сабурова Е.В. и Юриной И.Н. Основным средством выражения открытой угрозы выступает, как указывалось выше, глагол (чаще – совершенного вида) в форме будущего времени. Такая угроза отличается экспрессией и явной речевой агрессией. В представленной на исследование записи в такой форме угроза исходит от директора Немцовой Н.И.:

11) Ага, и ты (завуч ДШ), получается, им сказала, вот, отремонтировать, а они стали жаловаться? А зачем эта Ирина...? Вызови её к себе, спроси, какое отношение она ко мне имеет?! Пусть она письменно напи-

шет, я её за клевету посажу, вместе с Сабуровым... (Немцова).

Скрытые формы выражения угрозы отличаются большим разнообразием и включают в себя интонационные, лексические, синтаксические средства языка. В анализируемой записи скрытая угроза содержится в следующих высказываниях Немцовой Н.И.:

12) Ты письменно пожалуйся! А я тебя потом познакомлю с одним, который тоже пожаловался. **И он сейчас сидит за клевету, уголовная статья!** Давай так! Давай познакомлю! (Немцова).

Угроза в данных высказываниях представлена в виде речевой имплицатуры (системы выводных знаний). Говорящий и слушающий в силу их общих фоновых знаний (пресуппозиций), знания положения дел (ситуации) в своих высказываниях используют косвенные речевые акты, одинаково понимаемые всеми участниками разговора. В данном случае адресант и адресат используют следующую имплицатуру. В семантической записи она выглядит так:

‘Адресат хочет пожаловаться на Адресанта’

‘если Адресат сделает это, то он должен знать последствия’

‘последствия известны некоему X-у’

‘X осужден и отбывает наказание’

‘Адресат будет осужден’

Так следует толковать фразу Немцовой Н.И. И она семантически тождественна угрозе, представленной в явной форме: *Я посажу тебя за клевету!* Целью приведенных высказываний Немцовой Н.И. может быть ее желание предостеречь Сабурова Е.В. от нежелательных для всех действий с его стороны. В свою очередь, есть основания считать, что адресат (Сабуров Е.В.) вправе эти предостережения воспринимать как угрозу в свой адрес, поскольку эти высказывания построены по модели менасивного речевого акта.

Вопрос 3. Имеются ли в разговоре неэтичные высказывания со стороны руководства ДШ в отношении Сабурова Е.В. и Юриновой И.Н.?

В практике лингвистических исследований и лингвистических экспертиз принято выделять опреде-

ленные языковые средства, прежде всего разряды слов, использование которых в отношении какого-либо лица (в том числе и физического) или организации, как правило, является неэтичным, оскорбительным. Такие слова и выражения дают экспрессивную, негативную оценку тому или иному лицу. В представленной на исследование записи такая негативная оценка дается Сабурову Е.В. и Юриной И.Н. в ряде высказываний директора ДШ Немцовой Н.И. (см. примеры 2), 3), 5), 6) и др.). Кроме того, уничижительный и оскорбительный характер носит использование Немцовой Н.И. прецедентных имен в следующих высказываниях:

13) А!... Выясни, что это за женщина, которая хлопчет за Сабурова, **что это за графиня Дашкова? И что это у нас за такой вот Альфонс?**

Синтаксические конструкции «что это за...» и ей подобные, используемые в разговорной речи, служат для выражения эмоциональной оценки кого-, чего-либо. В данном случае передается резко отрицательная, оскорбляющая оценка лица. Прецедентное имя «Дашкова» в истории русской культуры связано с женщиной-покровительницей науки, образования, культуры (княгиня Екатерина Дашкова – сподвижница императрицы Екатерины II, президент Петербургской и Российской академий наук). В контексте всего разговора это имя использовано в ироническом, презрительно-уничижительном значении и относится к Юриной И.Н. Такую же функцию выполняет имя «Альфонс» (герой комедии А. Дюма-сына), ставшее нарицательным и называющим мужчину, который находится на содержании у любовницы. В толковых словарях к этому слову обычно дается помета «презр.» (презрительное).

Таким образом, анализ записи разговора позволяет заключить, что речевое поведение директора Дома школьников Немцовой Н.И. и ее сотрудников отличается агрессивностью по отношению к вызванному на планерку педагогу Сабурову Е.В. Цель агрессивного речевого поведения – унижить, оскорбить оппонента, в данном случае – Сабурова Е.В.

Анализ коммуникативных тактик, использованных Немцовой Н.И., показывает, что в ее высказываниях имеются признаки правонарушения: «Правонарушения, совершаемые с помощью языка, могут быть квалифицированы по той или иной статье закона только с опорой на текст, следовательно, назначаемое по конкретному тексту экспертное исследование призвано дать такие ответы, на основании которых будет осуществляться квалификация конкретного правонарушения» [8: 372]. В данном случае правонарушение связано с оскорблением конкретного физического лица, обратившегося в суд с целью защиты своей чести и своего достоинства. Подобного рода частные случаи разбирательства еще раз подчеркивают важность формирования в современном динамически развивающемся обществе правового сознания при социальной коммуникации. Именно в этом проявляется некая конструктивная сторона речевых коммуникативных конфликтов (см. об этом [6], [9] и др. работы). Кроме того, следует иметь в виду, что исследование конфликтных коммуникативных практик, как и любых других, «...не ограничивается лингвистическими единицами отдельных уровней языка» и обязательно требует учета «практики использования языка в социальном контексте» [5: 134], в том числе и в правовом.

Формирование правового сознания, понимание роли и значения правовых институтов общества, возможность защиты прав и отстаивания своих интересов с помощью судебного разбирательства во многом зависят от отношения к языку не только как средству вербальной коммуникации, но и как орудию речевого воздействия, как способу или средству жизнедеятельности человека и социума в целом. Правовые отношения в значительной степени моделируются языком, языковыми структурами, которые, в свою очередь, могут стать источниками разнообразных юридических коллизий, в том числе и конфликтных, поскольку речевые акты при вербальной коммуникации – это действия с такими же последствиями, как и другие деяния, подпадающие под правовое регулирование и подлежа-

щие экспертной оценке при судебном разбирательстве.

Юридическая практика свидетельствует о том, что многие вопросы по проведению судебно-лингвистической экспертизы требуют не только четкого правового регулирования, но и собственно лингвистического обеспечения при их решении. Конфликтный текст как продукт вербальной деятельности коммуникантов и как объект лингвистического исследования, осуществляемого с целью оказания помощи при решении правовых конфликтов, необходимо рассматривать в соответствии с требованиями самой юриспруденции, с одной стороны, и с положениями лингвистики как отрасли научного знания, с другой. Эти два аспекта исследования конфликтного текста должны иметь в виду все - инициаторы проведения экспертизы и лингвисты, проводящие исследование или экспертизу речевого материала.

Литература:

1. Баранов. А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 592 с.
2. Горбаневский М.В. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах. - М.: ГЛЭДИС, 2002. - 380 с.
3. Грачев М.А. Лингвокриминалистика. - Нижний Новгород, Изд-во НГЛУ, 2009. - 280 с
4. Иссерс О.С. «Посмотрите, на кого он похож!» (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) // Вестник Омского университета. - Вып. 3. - Омск, 1997. - С. 81-84.
5. Иссерс О.С. Исходные посылки для анализа и описания дискурсивных практик // Речевая коммуникация в современной России: Материалы II Международной научной конференции. - Т. 2. - Омск: Вариант-Омск, 2011. - С. 131-138.
6. Комалова Л.Р. Конструктивная

коммуникация в конфликтной ситуации // Вестник МГЛУ. № 556. Серия лингвистика. Актуальные проблемы прикладной и экспериментальной лингвистики. - М.: Рема, 2008. - С. 118-225.

7. Ли В.С. и др. Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике / Карымакова Р.Д., Тапалова Р.Б. - Алматы: Казак университеті, 2008. - 146 с.

8. Матвеева О.Н. Экспертное исследование конфликтного текста как правового нарушения // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. - М., 2007. - С. 372-377.

9. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. - СПб: Питер, 2003. - 250 с.

10. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. - М.: Галерея, 2002. - 336 с.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC ANALYTICAL PROJECT

GISAP – is an international scientific analytical project under the auspices of the International Academy of Science and Higher Education (London, UK).

The project unites scientists from around the world with a purpose of advancing the international level of ideas, theories and concepts in all areas of scientific thought, as well as maintaining public interest to contemporary issues and achievements of academic science.

The project aims are achieved through championships and conferences on scientific analytics, which take place several times a month online.

If you wish to take part in the project,
please visit:
<http://gisap.eu>

phone: +44 (20) 32899949
e-mail: office@iashe.eu